УДК 81'37(=133.1)
DOI: 10.17223/19986645/60/7

Н.В. Хорошева

О ПАРАДИГМАЛЬНОЙ ДИНАМИКЕ ИЗУЧЕНИЯ ФРАНЦУЗСКОГО ПРОСТОРЕЧИЯ

Освещается эволюция научных подходов к изучению просторечия (langue populaire) во французской лингвистике. Автор представляет парадигмальную динамику в изучении данного явления как движение от жесткого изоморфизма социальной и языковой дифференциации к пониманию просторечия как континуального узуса, требующего вероятностных методов исследования. В рамках современного подхода к изучению французского просторечия последнее не имеет статуса отдельной формы существования языка, что отчасти сближает его с просторечием в русском языке.

Ключевые слова: просторечие, французский язык, социальная диалектология, норма, языковой континуум, социолингвистическая парадигма.

Эволюция научных представлений о langue populaire (букв. «народный язык») во французской лингвистике весьма показательна с точки зрения как отражения изменчивой сущности данной языковой подсистемы, так и развития французской социолингвистической мысли. Будучи гораздо менее исследованным, чем, например, арго или региональные диалекты, просторечие традиционно считается «пасынком» французской филологии: отечественная научная литература о langue populaire крайне скудна, а монографии единичны даже во Франции [1–3]. Между тем невозможно изучать литературный язык в его развитии, если не принимать во внимание питающую его нелитературную среду, не осмыслить стихию и закономерности живой городской речи.

Несмотря на то, что термин «langue populaire» принято переводить как «просторечие», что, как известно, в русистике обозначает речь необразованного и полуобразованного городского населения, не владеющего литературной нормой, французское langue populaire не является аналогом русского просторечия. Считается, что французское просторечие не подобно colloquial English в английском языке, Volkssprache в немецком или italiano popolare в итальянском [4. Р. 790] и совсем не имеет аналогов, например, в американском английском. Своеобразие французского просторечия еще более очевидно при рассмотрении его в диахронии, поскольку просторечие категория историческая.

Как известно, единый национальный литературный стандарт сформировался во Франции в XVI–XVII вв. через «очищение» от любых нелитературных явлений. Просторечные, «вульгарные» элементы начали соотноситься с речью простолюдина, представителя «дна» общества. К середине XIX в. возникло понятие langue populaire, охватывающее представления о

парижском «языке низов», вульгарном языке, носитель которого – «*petit peuple de Paris*» (парижский люд).

Первая лингвистическая работа, посвященная французскому просторечию, появляется в 1920 г. [1]. А. Бош относит к *langage populaire* любые отклонения от «правильного французского» (*bon français*), считая, однако, что имеет дело с двумя разными языками, параллельно развившимися из общего источника – латинского языка. Для носителя парижского просторечия его речь предопределена социальным происхождением. Представитель образованного общества начала XX в. может использовать «вульгаризмы» только как ироническое средство.

Работа А. Боша внесла свой вклад в формирование так называемой классовой теории языка, т.е. его деления на «язык низших» и «язык высших» классов общества. Интересно, что, несмотря на очевидную несостоятельность данной теории, устанавливающей жесткий изоморфизм между языковой и социальной дифференциацией и полностью игнорирующей динамику функционирования городской речи, «классовый» подход в теории французского просторечия был доминирующим на протяжении почти всего XX в.

Так, для П. Гиро просторечие являлось одной из форм «*parlure*», т.е. языком определенного класса общества [2]. По мнению ученого, язык проявляется в двух формах: *parlure populaire* (язык народа, плебса) и *parlure bourgeoise* (язык буржуазии). Именно буржуазия «создает», «культивирует», шлифует язык, а просторечие, соответственно, его портит, засоряет: «Между французским просторечием и французским языком просвещенных существует дистанция, подобная дистанции между Природой и Искусством» [Ibid. P. 11].

Немногом отличается и определение просторечия, которое можно встретить в академических изданиях даже последних десятилетий, например в «Словаре терминов лингвистики и наук о языке»: «В социальной диалектологии прилагательное «*populaire*» характеризует всякую языковую черту или систему, исключенную из узуса образованных, которая, не будучи грубой или вульгарной, соотносится с особенностями речи, употребительной среди простых слоев населения» [5. P. 372].

В поисках ответа на вопрос, почему классовая теория просторечия оказалась столь жизнеспособной во французском языкознании, приходим к необходимости выделения двух групп возможных причин: причин философско-гносеологической природы и причин, связанных с методологической спецификой французской лингвистики.

Среди причин первого порядка следует отметить выраженные позитивистские тенденции, свойственные французским гуманитарным наукам, в том числе и лингвистике. Обратной стороной эмпиризма в науке, как известно, оказывалась слабость теории, неразработанность абстрактно-типологических аспектов проблемы. Вместе с тем в научной литературе отмечалось отсутствие до 70-х гг. XX в. взаимодействия между французской социологией и лингвистикой [6. P. 390]. Этот фактор в совокупности

с тем, что урбанизм (шире – пространственный фактор) не рассматривался во французской социологии как релевантный [7. Р. 81], привел к тому, что для разработки стратификации городского языка не было соответствующего научного социологического контекста.

Среди причин второго порядка следует назвать сильные пуристские тенденции французского языкознания, до сих пор проявляющиеся в известной идеологической тенденциозности академических нормативных изданий, где зачастую утверждается прямой изоморфизм социального и языкового членения («просторечие – речь простых слоев населения»). Унаследованные от сравнительно-исторического языкознания и структурной диалектологии понятия «языка» (*langue*) и «наречия» (*parler*) легко подвергались идеологизации, поскольку они использовались не только как классификационные понятия для описания состояния внутренней структуры лингвем, но и для установления определенных иерархий. К тому же изучение отдельных языковых образований (в частности, социальных диалектов) во французской лингвистике велось преимущественно в статике, в структурном плане [8. Р. 14].

В целом совокупность данных экстралингвистических причин привела к тому, что проблема членения и варьирования национального языка во французском языкознании решалась преимущественно путем упрощения реальной динамики взаимодействия языковых идиомов.

Впрочем, французские лингвисты всегда уделяли большое внимание взаимодействию *langue populaire* и аргю, которое начиная с XIX в. активно «рассекречивалось», проникая в парижское просторечие. Основными социально-экономическими причинами этого процесса явились развитие средств транспорта и массовой информации, уничтожение крупных воровских банд, разрушение старых кварталов в городах, в целом – мощные интегративные процессы, устранившие условия для изоляции – социальной и языковой – отдельных сообществ, культивировавших классическое французское аргю. Широкую известность приобрел тезис Л. Сенеана о полном растворении аргю в парижском просторечии: «В поддержку идеи такой унификации мы выдвинули многочисленные и неопровержимые доказательства. До сих пор продолжают делать строгое разграничение между просторечием и аргю маргинальных классов. Это разграничение, вполне реальное в прошлом, ныне больше не существует, и, возможно, излишне снова настаивать на окончательном смешении аргю и парижского просторечия» [9. Р. 482]. Несмотря на явное преувеличение, ученый точно обозначил характерную черту французского просторечия, отличающую его, например, от просторечия в русском языке: оно в значительно большей степени арготизировано.

Основным вопросом, стоявшим перед исследователями французского просторечия, всегда являлся вопрос о том, имеет ли просторечие своего носителя или же представляет собой своеобразный сниженный стиль речи. Две крайние позиции во взглядах на эту проблему занимали, по нашему мнению, П. Гиро и Ф. Карадек. Вступая в полемику с П. Гиро, определив-

шим просторечие как «вульгарное наречие, повседневный язык парижского простонародья» [2. Р. 9]. Ф. Карадек полагал, что столь сниженная характеристика этого явления («вульгарное наречие») неоправдана: в действительности просторечие не опускается до такой тональности. Кроме того, по мнению Ф. Карадека, у П. Гиро понятие «peuple» («народ») имеет узкое, пейоративное значение, тогда как современное понятие «langue populaire» относится скорее не к «peuple», а к «population» («население»). Неоправдана в определении П. Гиро и строгая локализация просторечия (язык Парижа), которая сводит просторечие к городскому говору (patois urbain) и даже к региональному диалекту (langue régionale). Сам Ф. Карадек, указывая на многочисленные факторы, приведшие к «последовательной демократизации вокабуляра» (всеобщее среднее образование, войны, униформизация досуга, научно-техническая революция и т.д.), считал, что просторечие «стало разговорной формой языка, которой владеют все французы, даже те, что делают вид, будто не знают его» [10. Р. 9].

Очевидно, что Ф. Карадек, будучи лексикографом, говорил скорее о просторечной лексике, которая действительно общеизвестна и общеупотребительна в ситуациях непринужденного общения. Исследователь прав в том, что экстралингвистические факторы оказали сильнейшее влияние на демократизацию литературного языка, с одной стороны, а с другой – повлекли за собой «сублимацию» нелитературной лексики, т.е. ее переход в более «высокие» речевые сферы. Все это создало специфику современного французского просторечия, в котором наблюдается тенденция ко все меньшей степени социальной детерминированности: langue populaire становится не только социальной, но и стилистической разновидностью французского языка.

Работы французских социолингвистов последних десятилетий обнаруживают очевидную смену исследовательской парадигмы в определении и подходах к просторечию. Даже названия публикаций свидетельствуют о том, что статус langue populaire как самостоятельной формы существования языка взят под сомнение – «Vous avez dit populaire?» («Вы сказали «просторечное?»») [11], «Le français populaire: a valid concept?» («Французское просторечие: валидный концепт?») [12], «Les grands mythes séparateurs: français parlé, français populaire» («Великие разделяющие мифы: французская разговорная речь, французское просторечие») [13], «A la recherche du français populaire» («В поисках французского просторечия») [14], «“Français populaire”: un classificateur déclassant?» («Французское просторечие: деклассирующий классификатор?») [15], «Français standard et français populaire: sociolectes ou fictions?» («Нормативный французский язык и французское просторечие: социолекты или фикция?») [16], «La division sociale de la langue: la fiction d’une langue populaire» («Социальное разделение языка: фикция просторечия») [4] и т.п.

Как пишет о langue populaire Ф. Гаде, «этот термин удобен для обозначения обычной (ordinaire) речи, прежде всего парижской, несмотря на то, что невозможно дать ему определение ни в социологическом плане (кем

являются говорящие? кто есть простой народ?), ни в плане лингвистическом (есть ли у него языковые особенности?) [17. Р. 117]. Определяющим признаком отнесения к просторечию остается факт отталкивания, противопоставления литературной норме, или языковому стандарту, как все чаще обозначают норму во французской лингвистике [15. Р. 103; 18. Р. 11].

Собственно лингвистические характеристики, традиционно приписываемые французскому просторечию, в современной речи в значительной степени утрачивают свою маркированность. Значительная часть из них стала соответствовать коммуникативной норме разговорной речи (например, употребление неопределенно-личного местоимения *on* в значении личного местоимения первого лица множественного числа *nous*, регулярное опущение первого компонента прилагательного отрицания *ne*, отсутствие инверсии в вопросительных конструкциях и переход вопросительного слова в конец синтагмы (*On va où? Ça fait combien?*), адвербиальное использование ряда предлогов (*Ça va avec. Je sors jamais sans.*) и т.п.). Другие не выходят за рамки нормальной вариативности устной спонтанной речи (например, неустойчивое употребление грамматического рода некоторых существительных (особенно заканчивающихся на *e* немое), прежде всего при согласовании прилагательных (*la belle âge, une grosse légume, une petite clope*) или при номинации лица мужского пола существительным женского рода (*un espèce de vaurien, cet homme est un andouille*) и др.). Впрочем, более аномативные явления, преимущественно грамматические, имеют значительно меньше шансов приблизиться к литературному стандарту (такие, например, как выравнивание парадигм некоторых глаголов (*je vas, j'avons, je voirai, j'ai descendu, je m'as levé*), унификация форм единственного и множественного числа (*le cheveu, l'hôpital, les chevaux, les hôpitals*), упрощение парадигмы относительных местоимений (*C'est une chose que tu peux être fier*) и др.).

Что касается лексики *langue populaire*, то лингвисты почти единодушно говорят об утрате ею социальной маркированности и об актуализации стилистической функции: «В синхронном плане точно разграничить фамильярные, просторечные и арготические слова и выражения чрезвычайно трудно... Выбор в речи «высокого» (например, *importuner*), «среднего» (*ennuyer*) или «низкого» (*embêter*) слова может зависеть не от культурного уровня субъекта речи, а от той роли, которую он играет в процессе коммуникации, и диктуемого ролью отношения к адресату речи» [19. С. 315–318]. В этом состоит существенное отличие французского просторечия от русского: в русской литературной речи просторечные единицы могут использоваться только с целью иронии, шуток, сознательного стилистического контраста и т.д. [20. С. 53].

Попытки определить социальную группу носителей просторечия приводят французских лингвистов к парадоксальному выводу: понятие «*langue populaire*» охватывает совокупность нестандартных языковых форм, но у него нет соответствия на уровне социального субстрата. Как пишет Ф. Гаде, «в наши дни нереально, вследствие множества унифици-

рующих факторов (всеобщее среднее образование, мобильность населения, влияние СМИ и др.), представить себе носителя языка, настолько незатронутого влиянием стандартизации и униформизации, что он выражался бы таким герметичным языком. Кто он, этот марсианин?» [15. Р. 109].

Имплицитная оценочность термина *langue populaire* приводила некоторых лингвистов к мысли о необходимости отказа от него или замены более нейтральным вариантом. К. Брюно, в частности, предлагал закрепить это выражение только за сферой литературоведения, чтобы обозначить «круг лингвистических явлений особого характера, входящих в противоречие с общепринятым письменным языком» [21. Р. 289].

Впрочем, в последнее время все чаще говорят о новом «наследнике» французского просторечия – *parler des banlieues* (*français des cités*), просторечно-арготической разновидности языка молодежи, проживающей в пригородах крупных городов (прежде всего Парижа). В этом случае действительно речь идет о достаточно замкнутом социуме, зачастую представленном иммигрантским населением, весьма криминогенном и, безусловно, имеющем маргинальный статус как в социально-культурном, пространственном, так и в языковом плане [22]. При этом *parler des banlieues* представляет собой, в отличие от *langue populaire*, своего рода «поколенческий социолект» с идентифицирующей функцией, поскольку функционирует преимущественно в речи подростков и молодежи [23, 24].

Однако если рассматривать французский социолингвистический «пейзаж» в целом, то, действительно, в условиях современного города вряд ли можно говорить о наличии определенного социального субстрата, который традиционно соотносился с *langue populaire*. Современные французские социолингвисты решают проблему вариативности городской речи в иной системе координат – континуально-вероятностной. Известно, что понятия временного и пространственного континуума были выработаны в традиционном романском языкознании, но применялись преимущественно для решения проблем ареального членения в лингвогеографии [25]. В социолингвистике идея континуальной вариативности языка возникает и последовательно проводится в работах американских социолингвистов (прежде всего У. Лабова). Во французской социолингвистике наиболее последовательно этот подход выражен в работах Л.-Ж. Кальве о французском аргю и просторечии.

В концепции Л.-Ж. Кальве в основе языковой динамики лежит принцип «внутреннего плюрилингвизма» [26. Р. 41], при этом специфика аргю и просторечия – не в коде, а в функционировании этого кода. Поэтому ученый полагает, что оснований для принципиального разграничения арготических и неарготических, просторечных и непросторечных единиц не существует, поскольку различия между ними лежат главным образом в области стилистической окраски и не имеют отношения к информативной нагрузке высказывания. Это лишь один из сегментов языкового континуума, которым располагает каждый говорящий.

Несмотря на то, что термин *langue populaire* не удовлетворяет более современным представлениям о реальной динамике языка города, он остается употребительным. Этому способствует его особый, амбивалентный характер: с одной стороны, *langue populaire* входит в терминологическое поле лингвистики, а с другой – для «наивных пользователей языка» служит идентификатором речи, в которой обнаруживаются, в большей или меньшей степени, отклонения от языкового стандарта.

В целом анализ эволюции подходов к рассмотрению французского просторечия показывает, что современная западная социолингвистика «ставит под сомнение саму идею того, что языковая практика, рассмотренная вне коммуникации, может быть представлена в терминах языковой разновидности» [15. Р. 113]. При отказе *langue populaire* в статусе идиома (со своей системой, внутренней нормой и определенным контингентом носителей) можно вполне согласиться с пониманием статуса просторечия как «единого общеязыкового узуса, в котором смешиваются все имеющиеся в языке идиомы» [27. С. 7]. Это значит, что при всем своеобразии французского просторечия (доминирующая стилистическая функция, значительно менее выраженная социальная непрестижность) оно обладает рядом черт, сближающих его с просторечием в других языках, в частности в русском языке.

Литература

1. *Bauche H.* Le Langage populaire. Grammaire, syntaxe et dictionnaire du français tel qu'on le parle dans le peuple de Paris, avec tous les termes d'argot usuel. Paris : Payot, 1920.
2. *Guiraud P.* Le français populaire. Paris : PUF, 1965. Coll. Que sais-je?
3. *Gadet F.* Le français populaire. Paris : PUF, 1992. Coll. Que sais-je?
4. *Ducard D.* La division sociale de la langue : la fiction d'une langue populaire // *Revista de estudos da Linguagem. Belo Horizonte.* 2016. Vol. 26, № 3. P. 789–814.
5. *Dubois J., Giacomo M.* Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage. Paris : Larousse, 1994.
6. *Helgorsky F.* La Sociolinguistique aux États-Unis et en France // *Le Français moderne.* 1973. T. 41, № 4. P. 387–409.
7. *La Sociologie en France.* Paris, 1988.
8. *Sourdot M.* Argot, jargon, jargot // *Langue française.* 1991. № 90. P. 13–27.
9. *Sainéan L.* Le langage parisien au XIXe siècle. Paris, 1920.
10. *Caradec F.* Dictionnaire du français argotique et populaire. Paris, 1989.
11. *Bourdieu P.* Vous avez dit populaire? // *Actes de la recherche en sciences sociales.* 1983. № 46. P. 98–105.
12. *Abecassis M.* Le français populaire: a valid concept? // *Marges linguistiques.* 2003. № 6. M.L.M.S. éditeur. P. 116–132.
13. *Blanche-Benveniste C.* Les grands mythes séparateurs: français parlé, français populaire // *Actes du 1er Congrès national des professeurs de français.* Buenos Aires, 1992. P. 13–25.
14. *Eloy J.-M.* A la recherche du français populaire // *Langage et société.* 1985. № 31. P. 7–38.
15. *Gadet F.* «Français populaire»: un classificateur déclassant? // *Marges linguistiques.* 2003. № 6. M.L.M.S. éditeur. P. 103–115.
16. *Valdman A.* Français standard et français populaire: sociolectes ou fictions? // *The French Review.* 1982. № 56-2. P. 219–227.

17. Gadet F. La variation // Yaguello M. Le grand livre de la langue française. Paris, 2003. P. 90–152.
18. Calvet L.-J. Introduction // Marges linguistiques. 2003. № 6. M.L.M.S. éditeur. P. 8–12.
19. Долинин К.А. Стилистика французского языка. Л., 1978.
20. Беликов В.И., Крысин Л.П. Социолингвистика. М., 2001.
21. Bruneau C. Langue populaire // Cahiers de l'Association internationale des études françaises. 1957. № 9. P. 238–249.
22. Calvet L.-J. Les voix de la ville. Introduction à la sociolinguistique urbaine. Paris, 1994.
23. Boyer H. «Nouveau français», «parler jeune» ou «langue des cités»? // Langue française. 1997. № 114. P. 6–15.
24. Goudailler J.-P. Français contemporain des cités: langue en miroir, langue du refus // Adolescence. 2007. № 59. P. 119–124.
25. Нарумов Б.П. Понятия «языковой континуум», «язык» и «диалект» в истории романского языкознания // Язык в контексте общественного развития. М., 1994. С. 303–314.
26. Calvet L.-J. L'argot comme variation diastratique, diatopique et diachronique (autour de Pierre Guiraud) // Langue française. 1991. № 90. P. 40–52.
27. Ерофеева Е.В. К вопросу о соотношении понятий НОРМА и УЗУС // Проблемы социо- и психолингвистики. Пермь, 2003. Вып. 2. С. 3–7.

On the Paradigm Dynamics of Studies of the French *Langue Populaire*

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology. 2019. 60. 94–103. DOI: 10.17223/19986645/60/7

Natalia V. Khorosheva, Perm State University (Perm, Russian Federation).
E-mail: romanphil@rambler.ru

Keywords: *langue populaire*, French, social dialectology, norm, language continuum, sociolinguistic paradigm.

The article deals with the evolution of scientific approaches to the studies of *langue populaire* in French linguistics. The author reviews the literature on this topic starting with the first work by H. Bauche and finishing with contemporary studies. The emphasis is laid on the causes of changes in the understanding of the nature of this social variant of colloquial language typical for city dwellers. The author begins with demonstrating terminological difficulties of translating the term “*langue populaire*” into other languages. The Russian term “*prostorech'e*” and the lower variants in other languages are not analogous to the French one. It was Bauche's theory that made a contribution to shaping the class-specific theory of language, i.e. its division into languages of a lower class and an upper class. It is shown that, in the theory of the French *langue populaire*, the class-specific approach was dominant throughout most of the 20th century. The author of the article believes that the reason why the class-specific theory of *langue populaire* was so long-living in French linguistics is connected with its philosophical and epistemological nature as well as with methodological peculiarities of French linguistics. Thus, the author draws a conclusion that French linguistics solved the problem of the division and variation within the national language mainly by simplifying the real dynamics of the interplay of language idioms. The author also discusses the question whether *langue populaire* is a language that has its speaker or it is only a reduced stylistic register. The two opposing positions in this argument belong to P. Guiraud and F. Caradec. It becomes evident that *langue populaire* is not only a social but also a stylistic type of French. Extralinguistic factors greatly influenced the literary language making it more democratic, on the one hand, and causing its sublimation, i.e. transfer to the upper speech register of nonliterary vocabulary, on the other. Attempts to define the social group of *langue populaire* speakers lead to a surprising conclusion: the term “*langue populaire*” includes the complex of non-standard language forms, but it has no correspondents on the level of a social stratum

which was traditionally associated with it. In general, the paradigm dynamics in the studies of this phenomenon is interpreted as a movement from rigorous isomorphism of social and linguistic differentiation to an understanding of *langue populaire* as a non-discrete usage that needs probabilistic methods of study. Despite the fact that the term “langue populaire” does not satisfy the modern ideas of city dwellers’ language functioning, it is still popular in its use. This fact is explained by the special ambivalent character of “langue populaire”: on the one hand, the term is a part of linguistic terminology; on the other, for ordinary language speakers it identifies the speech register which has certain deviations from the linguistic standard.

References

1. Bauche, H. (1920) *Le Langage populaire. Grammaire, syntaxe et dictionnaire du français tel qu'on le parle dans le peuple de Paris, avec tous les termes d'argot usuel*. Paris: Payot.
2. Guiraud, P. (1965) *Le français populaire*. Paris: PUF, Coll. Que sais-je?
3. Gadet, F. (1992) *Le français populaire*. Paris: PUF, Coll. Que sais-je?
4. Ducard, D. (2016) La division sociale de la langue: la fiction d'une langue populaire. *Revista de estudios da Linguagem*. 26 (3). pp. 789–814.
5. Dubois, J. & Giacomo, M. (1994) *Dictionnaire de linguistique et des sciences du langage*. Paris: Larousse.
6. Helgorsky, F. (1973) La Sociolinguistique aux États-Unis et en France. *Le Français moderne*. 41 (4). pp. 387–409.
7. Anon. (1988) *La Sociologie en France*. Paris: [s.n.],
8. Sourdot, M. (1991) Argot, jargon, jargot. *Langue française*. 90. pp. 13–27.
9. Sainéan, L. (1920) *Le langage parisien au XIXe siècle*. Paris: E. de Boccard.
10. Caradec, F. (1989) *Dictionnaire du français argotique et populaire*. Paris: Larousse.
11. Bourdieu, P. (1983) Vous avez dit populaire? *Actes de la recherche en sciences sociales*. 46. pp. 98–105.
12. Abecassis, M. (2003) Le français populaire: a valid concept? *Marges linguistiques*. 6. pp. 116–132.
13. Blanche-Benveniste, C. (1992) Les grands mythes séparateurs: français parlé, français populaire. *Actes du 1er Congrès national des professeurs de français*. Buenos Aires. pp. 13–25.
14. Eloy, J.-M. (1985) A la recherche du français populaire. *Langage et société*. 31. pp. 7–38.
15. Gadet, F. (2003) “Français populaire”: un classificateur déclassant? *Marges linguistiques*. 6. pp. 103–115.
16. Valdman, A. (1982) Français standard et français populaire: sociolectes ou fictions? *The French Review*. 56 (2). pp. 219–227.
17. Gadet, F. (2003) La variation. In: Yaguello, M. *Le grand livre de la langue française*. Paris: Le Seuil. pp. 90–152.
18. Calvet, L.-J. (2003) Introduction. *Marges linguistiques*. 6. pp. 8–12.
19. Dolinin, K.A. (1978) *Stilistika frantsuzskogo yazyka* [Stylistics of the French Language]. Leningrad: Prosveshcheniye.
20. Belikov, V.I. & Krysin, L.P. (2001) *Sotsiolingvistika* [Sociolinguistics]. Moscow: Russian State University for the Humanities.
21. Bruneau, C. (1957) Langue populaire. *Cahiers de l'Association internationale des études françaises*. 9. pp. 238–249.
22. Calvet, L.-J. (1994) *Les voix de la ville. Introduction à la sociolinguistique urbaine*. Paris: Payot.
23. Boyer, H. (1997) “Nouveau français”, “parler jeune” ou “langue des cités”? *Langue française*. 114. pp. 6–15.
24. Goudailler, J.-P. (2007) Français contemporain des cités: langue en miroir, langue du refus. *Adolescence*. 59. pp. 119–124.

25. Narumov, B.P. (1994) Ponyatiya “yazykovoy kontinuum”, “yazyk” i “dialekt” v istorii romanskogo yazykoznaniya [The Concepts of “Language Continuum”, “Language” and “Dialect” in the History of Roman Linguistics]. In: Kryuchkova, T.B., Mikhail’chenko, V.Yu. & Solntsev, V.M. (eds) *Yazyk v kontekste obshchestvennogo razvitiya* [Language in the Context of Social Development]. Moscow: Institute of Linguistics RAS. pp. 303–314.

26. Calvet, L.-J. (1991) L’argot comme variation diastratique, diatopique et diachronique (autour de Pierre Guiraud). *Langue française*. 90. pp. 40–52.

27. Erofeeva, E.V. (2003) K voprosu o sootnoshenii ponyatiy NORMA i UZUS [On the Question of the Correlation of the Concepts of NORM and USAGE]. *Problemy sotsio- i psikholingvistiki*. 2. pp. 3–7. (In Russian).